

18+

ПОСЛЕДНИЙ ЗАКАЗ перед СМЕРТЬЮ

Глеб Северцев

Глеб Северцев

Последний заказ перед смертью

<https://litres.ru/74249443>

ISBN 9785007049924

Аннотация

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.

Шеф-повар Александр Деев получает смс: «Плов, как в прошлый раз. Доставить до 21:00. Оплата наличными.» За 15 лет работы он запомнил только двух клиентов: бывшую жену и убийцу своей дочери. Сегодня заказ делает тот, кто мёртв уже три года. Чтобы выжить, Дееву придётся приготовить идеальное блюдо и идеальное убийство.

Содержание

Глава 1. «Плов номер шесть»	5
Глава 2. «Курьер на один рейс»	8
Глава 3. «Вкус фальши»	11
Глава 4. Специя страха	15
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Последний заказ перед смертью

Глеб Северцев

© Глеб Северцев, 2026

ISBN 978-5-0070-4992-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. «Плов номер шесть»

Лук резался ровно. Кубик к кубику.

Александр Деев не смотрел на нож — смотрел сквозь лук, туда, где на дешёвой магнитной панели висели остатки его прошлой жизни: японская стали «Сигэкицу» с выщербленным остриём, немецкий «Цвиллинг» с треснувшей рукоятью — его держала изолента. Десять лет назад эти ножи резали трюфеля для губернатора. Сейчас — резали лук для заказов «на вынос».

— Заказ номер шесть, — пискнул планшет, прилепленный скотчем к холодильнику. — Плов. Доставка до 21:00. Оплата наличными.

Деев замер. Нож застыл в воздухе над разделочной доской, и половинка луковицы разошлась по плоскости среза, обнажив прозрачные пластинки.

«Плов».

Он готовил плов для одного-единственного человека в этом городе. Только один адрес за пятнадцать лет попросил повторять блюдо три раза в месяц. И этот человек был мёртв.

Деев вытер руку о фартук. Подошёл к планшету. Пальцы пахли луком и риском — базарный сорт, дешёвый, длиннозёрный. Не тот рис, который он использовал бы для настоящего плова. Но настоящий плов умер вместе с Верой.

Адрес: Промзона, 2-й Южный проезд, строение 7.

Он не знал этого места. Но знал другое: три года назад заказ на плов пришёл в 20:47. В 21:15 его дочь вышла из ресторана «Топаз» на набережной. В 21:40 её нашли за мусорными контейнерами с перерезанным горлом. В кармане куртки — сохранённый чек. Она заказывала плов отцу. Заказала, но не получила.

Александр нажал «Принять».

Планшет заморгал: «Рейтинг: 4.2. Если отмените заказ в течение часа — блокировка на 72 часа».

Блокировка. Смерть? Нет. Для Деева блокировка была хуже смерти. Блокировка означала, что он не отвезёт завтра суп в онкологический (постоянный клиент — лейкозник, который держится только на бульоне Деева). Блокировка — что он не оплатит аренду комнаты в коммуналке, где сосед-алкоголик спит на картонных коробках. Блокировка — что он, чёрт возьми, не выплатит взнос за памятник Вере. Третий год копил. Всё ещё на букву не хватало.

Телевизор, включённый на новостях, выплёвывал звук:

— ...второй курьер службы доставки найден мёртвым за последнюю неделю. Полиция не комментирует, но источники сообщают: у обоих похищены форма и скутеры. Официальная версия — разбойные нападения...

Деев выключил звук.

Он взял рис. Начал перебирать — медленно, как учил японский шеф-повар двадцать лет назад: «Зерно к зерну, Деев-сан. Вы готовите не для желудка. Вы готовите для страха,

что это будет последняя еда».

Дрожащей рукой Деев достал с полки зиру, барбарис, куркуму. Взял казан — чугунный, тяжёлый, с прогоревшим дном. Поставил на конфорку.

Масло зашипело.

Пахло детством. Вера любила этот запах. «Пап, — говорила она, — почему у других плов как каша, а у тебя — как танец?» Потому что другие не теряли дочерей. Потому что другие не знают, что танцевать с пловом — это единственный способ не выть.

В 20:30 Деев загрузил контейнеры в термосумку. Написал сверху маркером: «№6». Засунул в карман старый «кнопочник» — на случай, если навигатор врёт. Взял нож «Сигэкицу». Не для еды. Для себя.

Перед выходом глянул в зеркало. Из трещины на него смотрел мужчина с лицом, которое могло быть и пятьдесят, и шестьдесят. Глаза — два куса льда в сетке морщин. Борода — недельная щетина, седая, как пепел.

— Ты идиот, — сказал он своему отражению. — Ты идёшь на заказ от мертвеца.

Зеркало промолчало.

Деев вышел.

Глава 2. «Курьер на один рейс»

Скутер чихал на каждом светофоре. «Хонда» двухтысячного года, краска облупилась, зеркало держалось на синей изоленте — как и нож, как и душа Деева.

Промзона встретила его запахом горелой резины и бездомных собак. Фонари не горели — кто-то сэкономил или выбил. Александр сбавил скорость, вглядываясь в номера строений. Седьмое оказалось за бетонным забором с колючей проволокой — новая, глухая стена среди развалин. Ворота — автоматические, с камерой.

«Интересно, — подумал Деев, — зачем человеку, заказавшему плов на вынос, частная охрана и видеонаблюдение?»

Он не успел нажать на звонок.

— Деев Александр Сергеевич? — голос из динамика, ровный, без интонаций. — Проходите. Скутер оставьте снаружи.

Ворота открылись с противным скрежетом. Деев вошёл во двор, где стояли три чёрных внедорожника с тонированными стёклами. Ни номеров, ни опознавательных знаков. Пахло дорогим табаком и страхом — тот особенный запах, который Деев унюхал бы среди тысячи. Он остался у него в ноздрях с того вечера, когда опознавал Веру.

— Александр?!

Голос за спиной заставил его вздрогнуть.

На улице, по ту сторону ворот, стояла женщина — лет

тридцать, светлые волосы выбиваются из-под капюшона, в руках дешёвый диктофон. Лена Ветрова.

— Ты чего здесь? — голос Деева прозвучал грубее, чем он хотел. — Журналистка, твою мать. Выследила?

— Не тебя. — Лена сунула руку в карман парки, достала телефон. — Посмотри. Я три года это носила в себе. Думала, если никому не покажу, то... сама разберусь.

На экране — чёрно-белое фото. Низкое качество, но детали читались: мужчина выходит из ресторана «Топаз», на заднем плане — Вера, покупающая цветы у лотка. Мужчина в чёрной куртке-бомбере, лицо прикрыто рукой — но запястье открыто, и Деев узнал часы. «Картье». Танк. Золотой корпус. Такие носят только люди, которым плевать, что их узнают.

— «Магистр», — прошептал Деев. — Где ты это взяла?

— Я была там. Вела репортаж о фуд-кортах. Случайно засняла. А потом Веру нашли. И я... я испугалась. Не пошла в полицию. Думала, опубликую — меня убьют. — Лена сглотнула. — А он, сука, оказался жив. В Дубае похоронили? Херня. Моя подруга из налоговой пробила — его счета продолжают жить.

Деев посмотрел на особняк за своей спиной. На окна без света. На людей в чёрном без лиц.

— Если он заказал плов... — Лена схватила его за руку. — Не ходи туда, Саша. Это ловушка.

— Если я не пойду, — спокойно ответил Деев, — меня

заблокируют. Я останусь без денег. Без жилья. И без него. Снова.

— Но...

— Ты хотела искупить вину? — он выдернул руку. — Тогда жди здесь. Час. Если не выйду — звони полковнику Железнову. Он старый, толстый и единственный мент, который не зарыл дело Веры.

Деев развернулся и пошёл к дверям особняка. За спиной Лена что-то кричала — ветер уносил слова, превращая в белый шум.

На крыльце его встретил человек в маске-балаклаве. Бесцветные глаза, никакого оружия на виду — но Деев чувствовал: достаточно одного неверного шага, и он упадёт лицом в асфальт.

— Обыск, — сказал маска. — Телефон, ножи, ключи — в ячейку.

Деев достал «кнопочник» и положил в протянутый контейнер. Нож «Сигэкицу» — туда же. Перед тем как отпустить лезвие, он провёл большим пальцем по острию — старый ритуал, проверка остроты. Кровь не выступила — значит, острый. Идиотский жест. Но это была последняя связь с тем, кто он есть.

— Проходите. Клиент ждёт на кухне.

Глава 3. «Вкус фальши»

Кухня оказалась под стать дому — огромная, стерильная и совершенно нежилая. Нержавейка, индукционные панели, вытяжка — всё новое, ни царапины, ни жирного пятна. Казалось, здесь никогда не готовили.

— Плов, — сказал голос за спиной.

Деев обернулся.

В дверях стоял человек в медицинской маске и тёмных очках. Высокий, худой, одет в чёрную водолазку — такого же покроя, как три года назад на фото Лены. Деев втянул носом воздух.

Запах.

Тот самый запах, который он вынюхивал в морге — за два метра от тела дочери, когда медэксперт разрезал её воротник и в воздух ударили «Drakkar Noir» и потом. Деев никогда не забудет этот коктейль. Дорогой парфюм и дешёвый страх.

— Вы заказывали плов, — голос Деева звучал чужим. Он открыл термосумку. — Приступим? Времени мало. Нужно прогреть казан, заложить мясо... у вас есть казан?

— Есть.

Человек в маске щёлкнул пальцами. Из тени вышли двое — тоже в балаклавах, волокли чугунный казан, старый, прогоревший, точно такой же, как у Деева дома. Александр замер.

— Я знаю, как вы готовите, — сказал клиент. — Ваш секрет не в рисе. Ваш секрет в казане. Каждый повар думает, что казан — просто посуда. Но вы-то знаете: казан — это память. Этот я купил у вашего соседа по коммуналке. За тысячу рублей. Он обрадовался — думал, лом на металл.

Деев понял, что умрёт.

Не сегодня. Не здесь. Но понятие «жизнь» только что сменилось для него понятием «отсрочка». Этот человек в маске знал про соседа. Значит, знает про всё остальное — про аптечку с инсулином Веры, про тайник с ножом, про привычку Деева пить водку только из левой руки (чтобы правая, ремесленная, не дрожала).

— Начинайте, — клиент сел на табурет, скрестил ноги. — Я хочу видеть всё. Как вы режете лук, как перебираете рис, как закидываете зиру. И не вздумайте испортить. За последний нормальный плов в этом городе я готов убивать.

Деев взял нож — не свой, чужой, тупой, который протянул один из масок. Взял луковицу.

«Работай», — сказал он себе. «Режь. Чисти. Не думай о том, что каждое твоё движение записывают камеры в углах. Не думай о том, что дочь была убита ножом для овощей. Не думай».

Лук резался ровно. Кубик к кубику.

— Хорошо, — сказал клиент. Голос его под маской звучал глухо, но Дееву показалось, что он улыбается. — Так-так. А теперь масло.

Масло зашипело.

Александр бросил мясо — баранина, свежая, даже жир белый, ароматный. Хорошее мясо. Жалко, что его съест тварь в маске.

Запах плова заполнил кухню, смешиваясь с «Drakkar Noir». Дееву стало дурно. Он вспомнил, как Вера в детстве звала его «мой пловный папа». Как она съедала первую горку, обжигаясь, и говорила: «Если бы я знала, что это моя последняя еда, я бы заказала у тебя плов».

Ирония. Заказал — у отца. Не успела получить.

— Почему я? — спросил Деев, не отрываясь от казана.

— Потому что вы последний, кто видел её.

Деев замер.

— Что?

— Вашу дочь. Она ведь пришла к вам в ресторан за час до смерти. Просила деньги на цветы. Вы дали. Но вы не заметили — она была не одна. С ней был мужчина. — Клиент снял очки, но маску оставил. Глаза — серые, водянистые, без эмоций. — Этот мужчина — мой брат. Она встречалась с ним. А потом убила. Я хочу знать зачем. И вы расскажете. После плова.

Деев опустил ложку. Масло брызнуло, обожгло руку — он не почувствовал.

— Вера никого не убивала, — сказал он. — Её убили.

— Это две стороны одной монеты. — Клиент встал. — Договаривайте плов. Через двадцать минут я хочу есть. И

разговаривать. Если еда будет плоха — я расстроюсь. Если разговор — вы умрёте. Всё просто, правда?

Деев посмотрел на казán. На кипящее масло. На мясо, которое уже схватилось корочкой. Потом перевёл взгляд на ножи — те, что лежали на магните за спиной клиента. Его нож «Сигэкицу» был далеко, в ячейке на входе. Но под рукой — разделочный тесак. Тупой, но тяжёлый.

«Ты идиот», — сказала зеркало. Теперь это говорил голос в голове.

Вера говорила иначе: «Пап, если когда-нибудь придётся выбирать между смертью и пловом — выбирай плов. Потому что только дураки умирают на голодный желудок».

Деев взял зиру. Насыпал на ладонь. Вдохнул.

Тмин пахнет надеждой. Всегда пах. Даже когда надежды нет.

Он бросил специи в масло.

— Хорошо, — сказал Александр Деев. — Я расскажу. Но сначала вы снимете маску. Я хочу видеть глаза человека, который будет умирать от моего плова.

Клиент рассмеялся.

— Шеф-повар, — сказал он. — Вы мне нравитесь. Но умирать буду не я.

За окном завывала сирена.

Глава 4. Специя страха

Масло в казане давно достигло нужной температуры. Деев знал это по лёгкой дрожи над поверхностью — той самой, которую не показывают термометры, которую чувствуют только кончики пальцев, привыкшие за двадцать лет различать двадцать оттенков нагрева.

Он бросил мясо.

Баранина шлёпнулась в раскалённый жир, и кухню наполнил звук, который Деев ненавидел больше всего на свете, — шипение плоти, теряющей влагу. В ресторане этот звук означал жизнь, начало, обещание ужина. Здесь, в стерильной кухне человека в маске, он означал только одно: обратного пути нет.

— Вы не спросили, какую часть туши я предпочитаю, — сказал Деев, не оборачиваясь. Голос его звучал ровно, почти скучающе. — Лопатку или огузок. Все шефы спрашивают. А вы нет.

— Потому что мне всё равно, — ответил клиент. Он снова сел на табурет, но теперь не скрещивал ноги, а поставил их на пол — поза человека, готового вскочить в любую секунду. — Мне важно не мясо. Мне важно, как вы будете его готовить, стоя в двух метрах от человека, чей брат, по вашему убеждению, убил вашу дочь.

Деев перевернул куски лопаточкой. Мясо зарумянилось

ровно — золотая корочка без горелых пятен. Хорошая работа. Жаль, что некому оценить.

— Откуда вы знаете, во что я убеждён? — спросил он.

— А разве это не так? — Клиент наклонил голову, и в этом движении было что-то птичье, хищное. — Вы три года искали убийцу. Перерыли полгорода. Дошли до моего брата. А потом он умер. Скорая констатировала инфаркт, но вы не поверили. Вы решили, что его убили, чтобы заткнуть рот. И теперь, когда я заказал у вас плов, вы видите во мне либо призрака, либо посланника.

Деев молча насыпал лук. Белые кубики упали в масло, зашипели, начали подрумяниваться по краям. Аромат пошёл сладковатый, карамельный — тот самый, от которого у нормальных людей текут слюни. Но Деев не был нормальным. Он был отцом мёртвой дочери и поваром, который только что понял, как выиграть время.

— Мне нужен соус, — сказал он, не оборачиваясь. — Томатный, кисловатый. У вас есть банка помидоров в собственном соку?

Маска щёлкнул пальцами. Один из охранников — тот, что стоял у входа, безымянный и безликий, — исчез за дверью и через минуту вернулся с жестяной банкой и стеклянной миской.

Деев вскрыл банку. Помидоры пахли кислотой и железом — дешёвый консервант, не сезон, не ручная работа. Таким соусом можно испортить любой плов. Но Дееву был нужен

не соус. Ему нужна была кухонная химия, которая обычно стоит под раковиной.

— Соль? — спросил он. — Перец? Кориандр? Зира у меня своя.

— Всё в шкафу слева от вытяжки, — клиент махнул рукой, чуть более небрежно, чем следовало бы. — Берите, что нужно.

Деев открыл шкаф.

Внутри стояли банки с надписями от руки — соль, перец, паприка, куркума, барбарис. Всё, как в обычной кухне. Но на нижней полке, за банкой с рисом, стояла пластиковая бутылочка без этикетки, с синей крышечкой. Деев узнал её сразу — такие продают в любой аптеке. Антикоагулянт. Варфарин.

В аптечке Веры были такие же. Она, диабетик с первого типа, принимала их, чтобы кровь не густела, чтобы не случился тромб, чтобы жить. Иногда Деев находил пустые блистеры в её мусорной корзине и боялся звонить, боялся спросить: «Ты всё приняла вовремя?» Потому что ответ мог быть любым, и любой ответ был бы неправильным.

Он взял соль. И, незаметно — так, как учат только в карманных ворах и поварах, работающих в открытой кухне, — сунул бутылочку с варфарином в карман фартука.

— Вы долго, — сказал клиент.

— Хороший плов требует времени, — ответил Деев, возвращаясь к kazanу. Он высыпал помидоры в отдельную мис-

ку и начал их разминать вилкой — медленно, аккуратно, будто это было самым важным делом в его жизни. — Мясо должно томиться, лук — прожариться до прозрачности, рис — впитать ровно столько жира, сколько нужно. Если торопиться, получится не плов, а каша с мясом. Вы ведь не хотите есть кашу, правда?

— Я хочу правду.

— Правда в том, — Деев поднял глаза на клиента, впервые за всё время посмотрев прямо в чёрные стёкла очков, — что вы не брат «Магистра». Я видел фото того человека. Он был ниже, плотнее, и у него были другие руки. Вы — сын. Или ученик. Или тот, кто украл его имя, чтобы запугивать людей.

Тишина была такой плотной, что Деев услышал, как прогорает конфорка.

Потом клиент засмеялся.

— Остроумно, — сказал он. — Но не совсем точно. Я — тот, кто *продолжает* его дело. Называйте это, как хотите. Сын, наследник, последователь. Суть не в названии.

— Суть в том, зачем вы меня сюда позвали, — Деев вернулся к соусу. Руки его двигались сами, автоматически, пока мозг лихорадочно просчитывал варианты. Антикоагулянт в кармане. Чужой нож на столе. Два охранника с оружием — точно есть, даже если не видно. Выход один — через главный вход, мимо Лены, которая, наверное, уже вызвала подмогу или сбежала. — Вы сказали, что хотите знать, зачем Вера убила вашего брата. Но я вам не расскажу, потому что

этого не было.

— Было.

— Докажите.

Клиент встал. Подошёл к столу, на котором лежали ножи — тупые, чужие, опасные только в умелых руках. Взял один, повертел в пальцах. Лезвие блеснуло под лампой.

— У вашей дочери была подруга, — сказал он. — Вера Горелова. Они вместе учились, вместе ходили в рестораны, вместе покупали цветы у лотка. Ваша Вера умерла. А эта Вера — жива. Лежит в частной клинике для душевнобольных, потому что после убийства моего брата у неё случилась истерика, и она пыталась покончить с собой. Если вы не расскажете мне правду, я позвоню туда и попрошу медсестёр заменить ей успокоительное на что-то более... постоянное.

Деев замер.

Вера Горелова. Да, он помнил эту девушку — худую, с огромными глазами, которая иногда заходила в ресторан за десять минут до закрытия и просила самый дешёвый чай, потому что «просто хочется посидеть в тепле». Она вечно пила чай через раз, обжигалась, смеялась. И каждый раз спрашивала: «Александр Сергеевич, а где ваша дочь? Я ей звонила, она не берёт трубку».

Потом Вера перестала приходить. Деев думал — переехала, вышла замуж, забыла. А она, оказывается, лежала в психушке. Запертая. Залеченная. Немая.

— Если вы тронете Веру, — сказал Деев тихо, — я убью

вас не пловом. Я сделаю это руками.

— Угрожать повару ресторана, где я знаю каждую мышь на складе, — клиент положил нож на стол. — Не лучшая стратегия. Просто готовьте. И думайте. Вам нужно вспомнить всё, что ваша дочь говорила о моём брате. Каждое слово. Каждый взгляд. Каждое движение. От этого зависит жизнь Веры Гореловой.

Деев отвернулся к плите.

Руки его дрожали — не от страха, от ярости. Он сунул их в карманы фартука, чтобы клиент не видел, и нащупал бутылочку с варфарином. Крышка откручивалась легко, с пластиковым скрипом.

Соус.

Он вылил помидоры в маленькую кастрюльку, поставил на огонь. Добавил соль, перец, сахар — чуть-чуть, чтобы убрать кислоту. И, когда жидкость начала закипать, высыпал туда содержимое бутылочки. Белый порошок растворился мгновенно, не изменив ни цвета, ни запаха. Антикоагулянт не имел вкуса. Деев знал это по ошибке Веры, когда она в четырнадцать лет перепутала флаконы и выпила двойную дозу, и её кровь целый день не останавливалась из царапины на пальце.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.